

УДК 930.2

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ И ПСИХОМЕНТАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ: РОССИЙСКАЯ И ЗАПАДНАЯ ТРАДИЦИИ

С. В. Ямщикова

Международный университет природы, общества и человека «Дубна»,
г. Дубна, Московская область, Россия

SOCIO-CULTURAL AND PSYCHO-MENTAL UNDERSTANDING OF HISTORY: THE RUSSIAN AND WESTERN TRADITIONS

S. V. Yamshchikova

International University of nature, society and man «Dubna», Dubna,
Moscow region, Russia

Summary. In the theory of historical development of society, it is important to establish a balance of different factors (socio-economic, political, socio-cultural, socio-psychological, psycho-mental) regulation of society. Only on this methodological basis is possible a comprehensive and objective analysis of the real historical process.

Key words: socio-cultural approach; the mentality; the mentality; the collective unconscious.

В российской историографии с конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого столетия прочно укоренился социокультурный подход. До этого советская историческая наука, основываясь на марксистско-ленинской теории социально-экономических формаций, во многом исходила из экономического детерминизма. Духовное развитие, самосознание и психология народа, поиски им духовно-нравственных ценностей отодвигались на второй план и представлялись не основными для познания исторического процесса. Навязывание формационного подхода существенно ограничивало познавательные возможности историков-исследователей.

Между тем, социокультурные и психоментальные факторы могут значительно корректировать и даже полностью блокировать детерминацию, идущую от способа производства, социально-экономической структуры общества и его политической системы. В прошлом это подчёркивалось многими выдающимися русскими мыслителями от П. Я. Чаадаева и С. М. Соловьёва до авторов «Сборника статей

о русской интеллигенции» – «Вехи» (М., 1909). В «Вехах» проводилась идея «первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства...» [8, с. 69].

С. Л. Франк, один из авторов «Вех», материалистической теории экономического детерминизма решительно противопоставил утверждение о том, что «последняя сила общественной жизни есть сила духовная, сила верований и живых общих идей...» [13, с. 218]. Причины русских революций 1917 г. он видел «в глубоком духовном процессе, совершавшемся в народной душе» [13, с. 213]. «...Последние, глубочайшие корни революции, – писал С. Л. Франк, – ...лежали не в корыстных вождениях, а в духовной неудовлетворённости народа, в искании целостной и осмысленной жизни» [13, с. 226].

Проникновение в духовный мир людей изучаемой эпохи традиционно было прерогативой литераторов. Так, например, Л. Н. Толстой, исследуя «лицо» войны в философском плане отмечал, что «на войне его интересуют не манёвры великих армий, а то, что происходит в душе у человека, одетого в военную форму» [17, с. 105].

Не вызывает сомнения то, что духовно-нравственное, социально-психологическое состояние человека во всех его формах и проявлениях выступает одной из самых существенных детерминант человеческого поведения и поэтому его изучение историками приобретает особо важное значение для понимания жизни социального целого и всех его частей.

Рассмотрение социокультурной атмосферы как основополагающего, структурирующего всю социальную систему элемента социальной реальности привело исследователей к анализу такого, пока ещё до сих пор чётко неопределённого наукой духовного феномена, как менталитет. Слова «менталитет», «ментальность» прочно вошли в лексикон современных историков. Приоритет в концептуальном анализе этих дефиниций принадлежит школе «Анналов» и связан с именами французских историков М. Блока и Л. Февра. Менталитет для них – определяющий фактор исторического процесса. Предметом изучения исторической науки они считали сознание людей. «Отношения, завязывающиеся между людьми, взаимовлияния и даже путаница, возникающая в их сознании, – они-то и составляют для истории подлинную действительность», – писал М. Блок [3, с. 105].

М. Блок и Л. Февр обращали внимание на тот пласт сознания, который слабо отрефлексирован. «Исторические факты, – отмечал М. Блок, – это факты психологические по преимуществу. Но у историков психология занимается

лишь ясным сознанием. Мы сильно исказили бы проблему причин в истории, если бы всегда и везде сводили её к проблеме осознанных мотивов» [3, с. 105]. Такой подход к историческому процессу потребовал выработки новой методологии и методики исторического исследования. Большую роль в этом сыграли историки школы «Анналов».

В работах М. Блока и Л. Февра основное место отведено характеристике культурно-психологического склада людей изучаемой эпохи. В центре их внимания – коллективное бессознательное. Исследование коллективного бессознательного как особого феномена духовной жизни социума требовало обращения к коллективным представлениям и к коллективным чувствам, которые проявляют себя в символах веры, мифах, языке, иносказаниях, фольклоре и даже в умолчаниях исторического источника.

В отечественной исторической науке проблема изучения менталитета и ментальности с особой остротой встала в связи со сменой парадигмы российского исторического знания, знаменующей отход от линии на вульгарную схематизацию истории и отражающей стремление поставить в центр исторического исследования человека, его образ жизни, систему ценностей и приоритетов. Историки обратились к постижению духовной, социально-психологической, психической, и в целом, «человеческой составляющей» общественной жизни, интересов и поведения человека, социальных групп, слоёв.

Одним из первых в современной отечественной историографии антропологически взглянуть на историю попытался А. Я. Гуревич. По его мнению, трудно выполнимым, но императивным требованием для историка-исследователя является «писать историю, в которой действуют живые люди» [4, с. 209]. Но как этого добиться? Как установить причины действий людей?

А. Я. Гуревич полагает, что социально-экономические факторы, изолированные от социально-культурной мотивации поведения людей, не дают разгадки их поступков. «Все стимулы, – пишет он, – исходящие из политической, экономической, социальной сферы, неизменно проходят сквозь «фильтры» ментальности и культуры, получая в них своеобразное индивидуальное освещение, и только в этом преобразованном – нередко до неузнаваемости – виде становятся движущими пружинами социального поведения. Поэтому изучение концептуального и чувственного «оснащения» людей данного общества и данной эпохи – обязательное условие понимания их поступков» [4, с. 230].

Взгляд на исторический процесс сквозь антропологическую призму вызвал необходимость философски-теоретически статусировать категории «менталитет», «ментальность». Анализируя толкование М. Блоком и Л. Февром понятия «менталитет», А. Я. Гуревич констатирует, что этим словом они обозначают и «умонастроение», и «умственные способности», и «психологию», и «склад ума», в общем, «весь тот комплекс основных представлений о мире, при посредстве которых человеческое сознание в каждую данную эпоху перерабатывает в упорядоченную «картину мира» хаотичный и разнородный поток восприятий и впечатлений, т. е. «мировиденье» [4, с. 215]. В понимании А. Я. Гуревича, ментальность представляет собой «тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приёмов сознания, – люди ими пользуются, обычно сами того не замечая» [5, с. 517].

В этом же ракурсе представляет категорию «менталитет» Л. Н. Пушкарёв: «...Менталитет – это восприятие, истолкование мира..., это манера мышления, его склад, его особенности, его своео-

бразие. Это эмоциональные и ценностные ориентации, коллективная психология, образ мышления и человека, и коллектива; менталитет – это призма, сквозь которую человек воспринимает мир» [12, с. 159, 163].

Менталитет как многогранный феномен предстает в определении Д. В. Полежаева: «Менталитет той или иной этнокультурной общности включает в себя и природное и культурное, эмоциональное и рассудочное, иррациональное и рациональное, общественное сознание и коллективное бессознательное и др. – то, что в современной социальной философии и психологии принято называть архетипами» [11, с. 14].

Этнокультурное содержание категории «менталитет» оттеняется понятиями «национальный характер», «этнический менталитет». Это своего рода психические, мыслительные, поведенческие стереотипы, имеющие этнокультурное основание, т. е. «психологический склад личности, характерный для того или иного общества» и являющийся «источником поведенческих особенностей членов общества» [10, с. 51]. У каждого общества своя история, свои архетипы и коды национальной психологии, свои подсознательно, на генетическом уровне усвоенные традиции и стереотипы. Всякий социум развивается по своему генетическому коду, который нельзя одновременно и произвольно изменить.

Социокультурная и психоментальная интерпретация исторического процесса основана на категории «цивилизационный менталитет». «Цивилизационный менталитет – система стереотипов мышления, деятельности и поведения людей, которая вытекает из относительно постоянных природно-географических и геополитических условий формирования и существования данной цивилизации и обеспечивает сохранение, выживание цивилизации в этих условиях» [19, с. 29].

Следует принять во внимание мнение Л. Н. Пушкарёва о необходимости разграничения в употреблении терминов «менталитет» и «ментальность». Менталитет, с его точки зрения, имеет всеобщее, общечеловеческое значение. Ментальность же – это духовная характеристика различных социальных слоёв и исторических периодов. «Ментальность – это признак мыслящего человека, характерный для данного лица (коллектива) в данное время» [12, с. 163].

В. Д. Захаров в широком смысле определяет ментальность как «всю область человеческого бытия, противостоящую его соматической (телесной) основе» [6, с. 49].

В. Л. Кожевин, отмечая смысловую размытость и содержательную аморфность категории «ментальность», выделяет следующий инвариант значений, придаваемых ей разными авторами: «неотрефлексированное содержание глубинных слоёв сознания того или иного сообщества, группы людей, охватывающее всю картину мира и регулирующее поведение представителей этих групп; ментальные структуры отличаются большой устойчивостью, сопротивляемостью к изменениям; по длительности своего действия они сопоставимы со сроками существования самой группы или исторического феномена, с которым связывается наличие соответствующего типа ментальности» [9, с. 79].

Ментальность на уровне психики, на уровне подсознания названа К. Г. Юнгом коллективным бессознательным (коллективной душой), а Л. Н. Гумилёвым – генетической памятью. Ментальность этого уровня субстанциональна, так как она состоит из архетипов. Под архетипами коллективного бессознательного Юнг имел в виду генетически наследуемые формы, психические матрицы, формальные схемы, априорно определяющие сознательную деятельность человека [18, с. 95–128]. Архетипы, подобно

биологическим инстинктам, детерминируют поведение людей независимо от воздействий внешней, прежде всего, социальной среды. Таким образом, ментальность – это онтологическая основа социума, социального поведения, а, значит, и исторического процесса.

Особая активизация архетипов коллективного бессознательного и усиление их влияния на социальное поведение человека происходит в точках социальной бифуркации. Спонтанное вторжение архетипических образов в сознание людей может приводить, по терминологии А. С. Ахиезера, к массовому усилению инверсии в ущерб медиации [1, с. 79]. Проявлениями инверсии являются межнациональные, гражданские, мировые, религиозные войны, восстания, бунты, революции, возникновение и массовизация тоталитарных движений: большевизма, фашизма, нацизма.

Основоположником духовно-психологической интерпретации инверсионных процессов в обществе выступил знаменитый немецко-американский социальный философ и психоаналитик Э. Фромм. Фундаментальная категория социально-философской концепции Фромма – «социальный характер». Социальным характером он называет «взаимосвязь индивидуальной психической сферы и социоэкономической структуры» [15, с. 138]. Социальный характер занимает промежуточное положение между социально-экономическим базисом общества и общественным сознанием, «причём это посредник в обоих направлениях: от экономического базиса к идеям и от идей к экономическому базису» [16, с. 335]. Конкретизируя это положение, Фромм отмечает: «Не только экономический базис создаёт определённый социальный характер, который в свою очередь порождает некоторые идеи. Однажды созданные идеи тоже влияют на социальный характер и опосредованно – на социально-экономическую структуру

общества» [16, с. 335], «действуя при этом либо как цемент, придающей ей ещё большую стабильность, либо, при определённых обстоятельствах, как динамит, готовый взорвать её» [15, с. 139].

Заслуживает внимания раскрытие Э. Фроммом смыслового значения понятия «социальное бессознательное». Социальное бессознательное – это то, что вытесняется из сферы человеческого сознания в процессе социализации и существует в подсознании. Подсознание (бессознательное) не индивидуализировано, оно – синкретично. Подсознание человека представляет собой коллективную историческую память. «Бессознательное, – указывает Фромм, – представляет целостного человека, истоки которого в космосе; оно представляет его прошлое, восходящее к заре человеческого существования и его будущее, вплоть до того дня, когда человек станет человеческим в полном смысле слова...» [16, с. 350].

С психоаналитической позиции Э. Фромм интерпретирует феномен праворадикального тоталитаризма – фашизма, особо выделяя при этом такой психопатологический синдром как «бегство от свободы» [14]. Ключевым в формировании этих социопсихологических явлений Фромм считает состояние человеческой души. В период кардинальных общественных преобразований быстрее и в большей степени меняется общественное бытие, чем общественное сознание. Объективная инерция социальной психологии в этом случае может работать против революционных изменений. «Многие революционеры считают, – пишет Фромм, – что следует сначала радикально изменить политическую и экономическую структуру, а затем на втором этапе почти необходимо изменится также и человеческое сознание...». Они не понимают, что новая элита, обладающая прежним социальным характером, будет стремиться воссоздать условия старого

общества в новых социально-политических институтах; что победа революции обернётся её поражением как революции...» [15, с. 157].

Согласно этой логике, коммунизм в России – это продолжение той самой России, которую он же, коммунизм, и уничтожил. Ещё в 20-х гг. П. А. Сорокин, объясняя закономерность появления в России левозэкстремистского тоталитаризма – коммунизма, отмечал: «Основными причинами такого общества были всегда две причины: война и голод или обеднение масс при наличии имущественной дифференциации. Мы на протяжении всей истории были народом милитарным..., народом голодным... Мудрено ли поэтому, что уровень «этатизма» или «коммунизма» у нас стоял всегда высоко» [7, с. 58]. Об этом же в 1937 г. писал Н. А. Бердяев: «Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа» [2, с. 93, 119]. Таким образом, социально-поведенческие особенности членов общества выводятся из их духовно-психологического склада.

В исторических и историософских трудах социокультурного и социопсихологического плана история общества наиболее рельефно предстаёт как деятельность преследующего свои цели человека. Социокультурный подход ставит в центр внимания исследования человека с его стремлениями, верованиями, убеждениями, страстями, которые проявляются в действиях. Конечно, при этом нельзя упускать из поля зрения моменты политико-идеологические, экономические, социальные, природно-географические. В теории исторического развития общества важно установить баланс факторов как материальной, так и социокультурной регуляции социума. Только на этой методологической основе возможен комплексный и объективный анализ реального исторического процесса.

Библиографический список

1. Ахиезер А. С. Философия истории, историческая наука и современность // Вопросы истории. – 1994. – № 6.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
3. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М., 1986.
4. Гуревич А. Я. Марк Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М., 1986.
5. Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. – М., 1991.
6. Захаров В. Д. Этнос и космос // Человек. – 1995. – № 1.
7. Зотов В. Предыстория распада. Межнациональные конфликты глазами этносоциолога // Родина. – 1994. – № 5.
8. Иоффе Г. Его борьба – трагический урок, до конца не выученный нами // Наука и жизнь. – 1995. – № 3.
9. Кожевин В. Л. Российская революция 1917 года и ментальность больших социальных групп: проблемы изучения // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 3.
10. Лурье С. Антропологи ищут национальный характер // Знание – сила. – 1994. – № 3.
11. Полежаев Д. В. Идея менталитета в русской философии «золотого века». – Волгоград, 2003.
12. Пушкарёв Л. Н. Что такое менталитет? Историкографические заметки // Отечественная история. – 1995. – № 3.
13. Франк С. Л. Из размышлений о русской революции // Новый мир. – 1990. – № 4.
14. Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1990.
15. Фромм Э. Иметь или быть? – М., 1990.
16. Фромм Э. Душа человека. – М., 1992.
17. Шнайдер Б. Неизвестная война // Вопросы истории. – 1995. – № 1.
18. Юнг К. Г. Архетип и символ. – М., 1991.
19. Ямщиков С. В. Социология. Часть II : учебно-метод. пособие. – Дубна, 2002.

Bibliography

1. Ahiezer A. S. Filosofiya istorii, istoricheskaya nauka i sovremennost // Voprosy istorii. – 1994. – № 6.
2. Berdyayev N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. – M., 1990.
3. Blok M. Apologiya istorii ili remeslo istorika. – M., 1986.
4. Gurevich A. Ya. Mark Blok i «Apologiya istorii» // Blok M. Apologiya istorii ili remeslo istorika. – M., 1986.
5. Gurevich A. Ya. Uroki Lyusena Fevra // Fevr L. Boi za istoriyu. – M., 1991.
6. Zaharov V. D. Etnos i kosmos // Chelovek. – 1995. – № 1.
7. Zotov V. Predyistoriya raspada. Mezhnatsionalnyie konflikty glazami etnosotsiologa // Rodina. – 1994. – № 5.
8. Ioffe G. Ego borba – tragicheskiy urok, do kontsa ne vyiuchennyiy nami // Nauka i zhizn. – 1995. – № 3.
9. Kozhevina V. L. Rossiyskaya revolyutsiya 1917 goda i mentalnost bolshih sotsialnyih grupp: problemy izucheniya // Vestnik Omskogo universiteta. – 1999. – Vyip. 3.
10. Lurie S. Antropologi ischut natsionalnyiy karakter // Znanie – sila. – 1994. – № 3.
11. Polezhaev D. V. Ideya mentaliteta v russkoy filosofii «zolotogo veka». – Volgograd, 2003.
12. Pushkaryov L. N. Chto takoe mentalitet? Istoriograficheskie zametki // Otechestvennaya istoriya. – 1995. – № 3.
13. Frank S. L. Iz razmyishleniy o russkoy revolyutsii // Novyy mir. – 1990. – № 4.
14. Fromm E. Begstvo ot svobodyi. – M., 1990.
15. Fromm E. Imet ili byit? – M., 1990.
16. Fromm E. Dusha cheloveka. – M., 1992.
17. Shnayder B. Neizvestnaya voyna // Voprosy istorii. – 1995. – № 1.
18. Yung K. G. Arhetip i simvol. – M., 1991.
19. Yamschikov S. V. Sotsiologiya. Chast' II : uchebno-metod. posobie. – Dubna, 2002.

© Ямщиков С. В., 2014